

Степаненко Р.Ф.,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Казанского (Приволжского) Федерального университета,
доктор юридических наук, профессор

ЧЕЛОВЕК И ПРАВО В НОВОМ МНОГОПОЛЯРНОМ МИРОУСТРОЙСТВЕ

Проблемы изменения миропорядка, обусловленные влиянием новых реалий и деглобализационными процессами, принципиально меняющими контуры правовой картины мира, репрезентируют новые идеи, гипотезы и замыслы в сфере гуманитарных и обществоведческих наук, ключевым направлением которых становится сбережение человеческого потенциала, безопасность и благополучие человека в его индивидуальном, коллективном (общество) и государственно-правовом количественном измерениях (граждане, народонаселение, нация и т.д.).

Поиски путей и способов аргументации установления многополярного мира, продуцирующие и масштабирующие конфликтогенность и рискогенность в среде оппонирующих данному целеполаганию национальных юрисдикций, пресекаются беспрецедентными попытками сохранения и удержания однополярности и гегемонии уходящего мироустройства. Противостояние уже почти континентального масштаба приводит к неустойчивости, нестабильности, хаосомности и крайне диссонирующей ситуации «пограничности» суверенных моделей государственных образований, обнажая глубочайшие гуманитарные и иные проблемы и возможности их дальнейшего коммунцирования.

Общество риска, изучаемое зарубежными (У. Бек, Г. Бехман, Э. Гидденс, Н. Лукман, Ю. Хабермас и др.) и российскими (В.В. Волков, Е.С. Ефимовская, О.И. Ларичев, Л.В. Лесков, В.М. Пригожин и др.)

философами, социологами, политологами и правоведами с середины прошлого столетия, тотально конструирующее разнообразные вызовы и угрозы для человеческого бытийствования, по сути не проявляет сопротивления возможности управления собой транснациональными корпорациями, а не государством. Доминирующие на Западе индивидуализация, прагматизм, утилитаризм и т.д. оказываются фактически безучастными к способностям и возможностям государственно-правового управления общественными отношениями.

«Обезбоженное пространство» (Э. Сартр), лишённое ценностно-духовных ориентиров, отказавшись от них добровольно и безболезненно, реадаптирует институты традиций, семьи, идентичности, гражданства, государства и права, отдавая на откуп политическим и экономическим институтам управление тем или иным территориальным пространством в границах той или иной юрисдикции. Будучи результатом человеческой деятельности, общество риска предполагает, но фактически нивелирует всё возрастающие возможности военных, ядерных угроз, климатических катаклизмов, «расчеловечивания» международных и внутригосударственных взаимодействий, дипломатические, правовые, морально-этические и иные способы упорядочения отношений. Новая межгосударственная, социентальная и культурная реальность стремительно увеличивает напряжённость взаимодействий, акцентируя внимание на росте конкуренции за рынки получения выгоды от использования природных ресурсов, технологических достижений, инновационных проектов, возможностей искусственного интеллекта и др.

Логика накопительства, алчность, игнорирование индустриальных, военных, технологических угроз и т.д., оставляют за рамками своего интереса собственно человека в его беспомощности, боязни и страхе перед будущим. Проблемы канализации, минимизации, адаптации и управления рисками, хотя и изучаемые социогуманитаристикой, так и не стали

объектом пристального внимания всей российской, в том числе правовой, науки.

Человек многополярного мира во всей многогранности его существа есть биопсихо-социокультурный феномен. Многовековой цивилизационный путь его развития способствовал духовно-нравственному и социальному управлению человеком своими витальными, ментальными, экзистенциальными и иными потребностями и интересами, соподчинению требованиям нормативности, компромиссному и сбалансированному выбору моделей поведения, развиваемыми, в том числе, в лоне правовых постулатов. Многополярность миропорядка предполагает и настаивает на уважении ценностей и традиций, в том числе правовых, иной государственно-правовой и, прежде всего, человеческой коммуникационной среды. Цивилизационные достижения и успехи должны быть использованы во благо человечества, вбирая в себя то общее, что не противоречит как социальному, так и персональному развитию, это суть ключевые паттерны социогуманитаристики, концепты её рационального постижения проблем человека в современном мире.

Торжество человеческого разума, достигнув своего совершенства путём изобретения новых технологий, ядерного оружия, искусственного интеллекта и т.д., однако не утруждает себя проблемами собственной безопасности. Тем самым процессы «расчеловечивания» социальной и правовой среды, отчуждение многого в цифровое пространство демонстрируют равноудалённые процессы цивилизованности комфортного, но не безопасного существования самого человека. Заменяя, в частности, живой разум технологиями нейросети, представляющей одновременно и удобство, и угрозу для жизнедеятельности, новая реальность принципиально усложнила возможности права в обеспечении безопасности, соблюдения, защиты и охраны прав и свобод личности. Аналогично диссонирующая ситуация наблюдается в диалектической

противоречивости духовно-нравственной и предельно прагматичной сферах бытия и человека, и права. Здесь сама постановка вопроса об использовании искусственного интеллекта в праворегулятивной и правоохранительной областях представляется крайне дискуссионной, с точки зрения философского осмысления категории «интеллект».

Будучи особой, высшей, высокоорганизованной, духовно-творческой системой мышления и мыследеятельности в целом, интеллект имеет свои структурные, познавательные особенности, ориентируется на установленные цели и решение конкретных задач, репрезентирует генезис развития человека, его когнитивных способностей, выявляет таланты и одаренности личности. Сказанное невозможно экстраполировать в сферу научно-технологического контента цифровизации, в т.ч. искусственного «интеллекта».

С позиций установления многополярного мироустройства, безусловно, сложно переоценить возможности цифровой среды. Стирание межгосударственных границ человеческих взаимодействий, с одной стороны – благо межличностного общения. С другой стороны, разность ценностно-правовых установлений, различия сути правоположений и существа праворегулятивных средств и др., создают непреодолимые препятствия правового взаимодействия, особенно на уровне государственно-властной трансляции политико-правовых решений в различных юрисдикциях. Предложение введения цифрового кодекса как системообразующего фактора в урегулировании всевозможных противоречий и конфликтов вне традиционного правового регулирования общественных отношений представляется целесообразным, в том числе по причине динамичного развития процессов технологизации в эпоху постглобализма. Многополярный мир нуждается в согласованном и сбалансированном правовом состоянии при помощи общепринятых стандартов и правил сотрудничества.

Вместе с тем, преждевременно предполагать общепризнанность и, тем более, правовую интеграцию различных правовых систем в едином цифровом мейнстриме, реализация которого может быть возложена на цифровой кодекс. Как отмечалось, различия, порой непреодолимые, в ментальности, традициях, ценностных ориентациях и т.д., оставляют за каждой правовой системой собственный выбор тех или иных поведенческих мейнстримов, которые остаются «неуловимыми» для обыденного восприятия, а тем более для искусственного «интеллекта» и цифровых кодексов. Предназначение последних в рамках отдельной национальной юрисдикции вполне себя оправдывает, а в контексте многополярного миропорядка их эффективность представляется крайне проблематичной.

Многополярный мир для человека – пространство виртуальное, доминирующим образом. Демаркационная линия между государствами в цифровой среде условна, что позволяет находиться в разной государственно-правовой реальности, порой неосязаемой, а порой совершенно иной, отличной от идентично воспринимаемой собственной нормативности. Здесь выявляется основное целеполагание права – объединение людей, базирующееся на общепризнанных правилах в едином миропорядке. Международное право с этой задачей не справилось, хотя и сформировало комплекс прав и свобод человека в Декларации 1948 года, для того времени вполне успешно. Виртуальный, неподлинный, «опосредованный» мир сегодня даёт человечеству возможность создания вероятно позитивного и одобряемого всеми правового пространства, не вытесняющего правовую идентичность каждого в реальном измерении, а уважающего и признающего равноправность и равноизмеримость притязаний и интересов, прав и свобод каждой личности.

В данном контексте становится важным изучение этнокультурных особенностей правовой среды многополярного мира. На основе

философского, эколого-антропологического, социологического, информационно-семиотического и, в целом, культурологического подходов, необходимо исследовать сферы духовной культуры, исторические особенности, быт и информационную области, межличностные коммуникации уровней правосознания и т.д.¹ Последние, как и правопонимание, правовая культура и многое другое, исследуются в российском теоретическом правоведении традиционно в западно-европейской и американской научной парадигме правовых ценностей. Однако, как отмечает Р.А. Ромашов, схожесть отмеченных теоретических конструкций «... следует рассматривать в качестве дискретных циклов, не связанных с общей традицией ни в области государственного устройства, ни в сфере понимания права и правосознания»².

Сказанное акцентирует внимание на различиях фундаментальных ценностей и оснований права не только в европоцентристской и американской парадигмальности государство- и правогенеза, но и в России, странах Востока и Азии, развивающихся согласно логике собственной эволюции культуры, социума, политико-правовых и экономических стратегий в современном многополярном мире. Остаётся главное – «научить» этому искусственный «интеллект», если это вообще возможно.

Как бы то ни было, человек в пространстве общенаучных российских и зарубежных исследований всегда есть и будет центром методологии научной и практической юридической деятельности. На правовой карте мира, приоритизация изысканий в сфере осмысления и переосмысления

¹ Каландаришвили, З. Н. К вопросу о понятии и сущности этнокультуры / З. Н. Каландаришвили // Вопросы формирования кросс-культурной компетентности молодежи в современной России: Материалы этнофестиваля "Санкт-Петербург - Северный Кавказ - Мосты дружбы", Санкт-Петербург, 18 сентября – 28 2021 года / Под редакцией В.Ю. Сморгуневой, С.З. Айгубова, К.А. Омаровой, А.И. Рашидовой, Л.А. Рашидовой. – Махачкала: ИП Овчинников Михаил Артурович (Типография Алеф), 2021. – С. 25-27. – EDN EASSEG.

² Ромашов, Р. А. Особенности правопонимания и правосознания в классической, постклассической и постнеклассической юриспруденции / Р. А. Ромашов // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 1(71). – С. 85.

проблем человека в праве, прежде всего, в философско-правовом, в т.ч. экзистенциальном познании и уяснении его места и роли, не только в качестве гражданина, субъекта правоотношений, физического лица, личности преступника и т.д. (как это традиционно изучается юридической наукой), но и как фундаментальной научной категории, становится сегодня ядром целеполагания всей системомыследеятельности. Уникальная целокупность основных модусов человека (тело, душа, дух), которая не может не превалировать в сегодняшних неустойчивых состояниях мироустройства, принципиально актуализирует его подлинную проблему. Переориентация объектно-предметных сфер исследований гуманитарных и обществоведческих наук на проблемы безопасности, благополучия, сохранения и развития человека возрастает в связи с пониманием кризисности и угроз человеческому существованию, обнаружением его беспомощности, неуверенности в завтрашнем дне, боязни и страхе перед непредсказуемым будущим. Сегодня в условиях многополярного мира для права – как социокультурного, исторически сложившегося и цивилизационного феномена, идеи сохранения человека, как, в известном смысле, единственной разумной универсалии, должны стать отправной точкой всех его научно-практических целеустремлений.